

ГЛАВА ПЕРВАЯ ДИАНА

САТАНА НАНОСИТ НОВЫЙ УДАР

Июль

У верхнего края запотевшего зеркала образуются две капли и потихоньку начинают ползти вниз. Я мысленно заключаю спор с самой собой: вторая капля наверняка выиграет эту неспешную гонку, ведь она намного крупнее. Тут все или ничего, верно? Вот только капля набирает скорость и резко сворачивает влево. Первая же благополучно продолжает двигаться прежним курсом и падает на тумбу для раковины.

Вот поэтому я держусь подальше от азартных игр.

Тряпкой стираю с зеркала конденсат и вглядываюсь в свое отражение. На груди и плечах играет румянец от обжигающе горячей воды. С душем явно что-то не так, но я сейчас на мели, так что денег на водопроводчика нет, а папа сказал, что сможет заехать только в конце недели. Стало быть, придется еще несколько дней помыться в душе, где вода напоминает по температуре раскаленную лаву (если, конечно, моя кожа не сгорит с концами).

Может, папа не только починит душ, но и посмотрит, почему шкафчик в кухне упрямо отказывается открываться. И почему ни с того ни с сего у холодильника перестал работать диспенсер для льда.

Кто бы знал, что быть хозяйкой собственной квартиры — такое утомительное занятие. Особенно когда ты

совершенно некомпетентна в домашнем хозяйстве. Изначально с душем была другая проблема — он вечно подтекал. Я не говорила? Так вот говорю. Я посмотрела видео в интернете и пыталась починить все сама, и в итоге теперь на меня льется раскаленная лава. Все эти советы в духе «сделай сам» явно не для меня.

Отвернувшись от зеркала, снимаю с крючка на двери пушистое розовое полотенце и, завернувшись в него, выхожу из пышущей паром ванной в коридор — навстречу свежему воздуху. Наконец-то!

— Я там чуть не сдохла, — сообщаю я Скипу с порога гостиной. Она у меня просторная и немного напоминает лофт, а у дальней стены стоит аквариум на двадцать галлонов*.

Золотая рыбка (к слову, настоящий жирдяй) одаривает меня жутким замогильным взглядом.

— Знаю, что моргать ты не умеешь, но мне это все равно не нравится, — продолжаю я. — Здорово нервирует, понимаешь?

Скип продолжает тарачиться, а потом, гордо взмахнув плавниками, удаляется в другой конец аквариума. Секунду спустя он уже прячется под золотистым сундучком с сокровищами — думает, я его не вижу (как бы не так!). Когда я показала пареньку в зоомагазине фотографию Скипа, он заявил, что никогда не видел такой крупной золотой рыбки. Видимо, у моего питомца ожирение. Не говоря уже о том, что он слишком тихий для моего душевного равновесия. Как-то не доверяю я домашним животным, не издающим ни звука.

— Знаешь что, Скип? В один прекрасный день тебя что-нибудь расстроит, а я, вместо того чтобы тебя утешать, уплыву прочь. Чтоб тебя накрыло твоим пиратским сундуком.

Ненавижу рыбок. Будь у меня выбор, ни за что бы не завела рыбку. Ухаживать за ними — сущее наказание, доставшееся мне от покойной тетушки. Ее драгоценная — и абсолютно бесполезная — золотая рыбка досталась мне по завещанию. Когда исполнитель завещания зачел этот пункт в присутствии всей моей семьи, он, кажется, изо всех сил старался не рассмеяться. А вот мой младший брат

* Примерно 76 литров. — Прим. пер.

Томас даже не потрудился скрыть свою реакцию и ржал, пока папа не приструнил его суровым взглядом.

Плюс в том, что аквариум прилагался к квартире те-тушки Дженнифер, благодаря чему в двадцать один год у меня уже есть свое жилье. Как говорится, не знаешь, где найдешь, где потеряешь.

От обжигающего душа у меня аж во рту пересохло. Прежде чем одеваться, надо бы выпить воды. Я босиком направляюсь к холодильнику, но тут телефон, лежащий на гранитной столешнице, громко звякает, и я вздрагиваю от неожиданности. Похоже, вода подождет. Я проверяю, кто мне пишет, и с трудом подавляю стон. Сообщение от моего бывшего.

Перси: *Приветик, не хочешь встретиться сегодня вечером, пообщаться? Я освобожусь после восьми.*

Не-а. Не хочу. Впрочем, позволить себе подобную прямоту я не могу. У меня, конечно, тот еще характер, но без причины я стараюсь не грубить. Придется найти способ мягко отшить его.

Он уже не в первый раз пишет и предлагает «пообщаться». Пожалуй, в этом есть и моя вина — в конце концов, я сказала, что, даже расставшись, мы сможем остаться друзьями. Мой вам совет: *никогда* не предлагайте остаться друзьями, если на самом деле не намерены продолжать общение. Иначе найдете проблему на свою голову.

Бросив телефон на столе, хватаю из холодильника бутылку воды. Сначала оденусь, а уже потом отвечу Перси.

Я как раз кидаю пустую бутылку в мусорку под раковиной, когда тишину коридора нарушает знакомое мяуканье. Стены в доме картонные, так что любой шум за дверью прекрасно слышен — и каждый шаг, и тихий топот крошечных лапок Люси. Кроме того, это чертово создание носит ошейник с колокольчиком, оповещая всех вокруг о каждом своем приближении.

Мысленно выругавшись, я поддаюсь чувству долга. Я обожаю свою соседку снизу, Прию, но ее кошка-беглянка меня с ума сводит. Люси умудряется как минимум раз в неделю сбежать незамеченной из квартиры своей хозяйки.

Я открываю дверь, и меня обдает холодным воздухом. Поежившись, я выхожу на покрытый гладкой плиткой пол возле входной двери. По обнаженным рукам бегут мурашки.

— Люси? — напевно зову я.

Уж я-то знаю, что, когда пытаешься ее выманить, в голосе не должно быть ни намека на раздражение. Малейший отголосок злости приведет к тому, что этот серый комок шерсти устремится вниз по лестнице, к двери в дом, со скоростью несущегося к Земле метеорита.

Наш жилой комплекс «Медоу-Хилл» не такой, как другие здания. Это не какой-то там пятидесятиэтажный монстр, вмещающий сотни квартир. Архитектор, спроектировавший его, хотел, чтобы комплекс напоминал пляжный курорт, так что у нас тут пятнадцать двухэтажных зданий по четыре квартиры в каждом. Между домами петляют тропинки, многие окна выходят на пышущие зеленью лужайки, теннисные корты и бассейн. В последний раз, когда Люси удалось выбраться, мой сосед снизу, Найл, как раз возвращался с работы. Люси, увидев, как открывается дверь в лобби, воспользовалась представившейся возможностью: прошмыгнула мимо него и отправилась навстречу вечной свободе.

— Люси? — снова зову я.

Откуда-то с лестницы доносится звон колокольчика, и на верхней ступеньке с хриплым мяуканьем появляется серая полосатая кошка. Она усаживается поудобнее — вся такая стройная и строгая — и со всей возможной дерзостью глазееет на меня.

Она будто подначивает: мол, вот она я, и что ты мне сделаешь, стерва?

Я медленно опускаюсь на колени, чтобы наши взгляды оказались на одном уровне.

— Ты просто дьявольская кошка, — сообщаю я ей.

Люси пару секунд молча изучает меня, потом медленно поднимает одну лапу и принимается благопристойно ее вылизывать.

— Серьезно. Тебя сюда хладнокровно доставили прямиком из ада. Возможно, Сатана собственной персоной. Скажи честно, он прислал тебя мучить меня?

— Мяс, — самодовольно откликается она. Не мигая.

Ничего себе! Эта стерва практически подтвердила мои слова!

Перехватив верхний край полотенца, я придвигаюсь ближе. До Люси остается всего пара футов*, когда по лобби

* Примерно 60 см. — Прим. пер.

вдруг разносится эхо голосов и кто-то начинает с грохотом подниматься по лестнице.

Люси срывается с места, перемахнув через мое плечо как заправский барьерист на Олимпийских играх. Она моментально просачивается в мою приоткрытую дверь — с такой скоростью, что я от неожиданности заваливаюсь вперед. Инстинктивно я выставляю руки перед собой, чтобы не приземлиться лицом на пол, и, разумеется, тут же отпускаю полотенце.

Оно падает на пол, и в этот самый момент сверху меня накрывает чья-то тень.

Я визжу от неожиданности. На меня пялятся трое хоккеистов.

А я, между прочим, голая. *Голая.*

Я уже говорила, что я голая?

— Ты там в порядке, Диксон? — тянет насмешливый низкий голос.

Я торопливо пытаюсь прикрыться, вот только руку меня всего две, а прикрыть хотелось бы как минимум три места.

— Господи боже, отвернитесь немедленно! — кричу я, хватая с пола полотенце.

Надо отдать парням должное: они все как один отводят взгляд. Я вскакиваю, торопливо закрепляя полотенце. Ну разумеется, из *всех*, кто мог застать меня в такой ситуации, мне должен был попасться Шейн Линдли с друзьями. Что они вообще здесь делают?..

И тут меня озаряет. О нет.

Темные глаза Шейна сверкают озорством, и у меня внутри все леденеет от страха.

— *Нет.* Неужели сегодня?

Он ослепительно улыбается в ответ, являя миру идеально ровные белые зубы.

— О да, сегодня!

Сатана наносит новый удар.

К нам переезжает Шейн.

Хорошо хоть, не ко мне в квартиру (это было бы вдвойне отвратительно). Я бы ни за что не стала жить с таким нахальным засранцем. Плохо уже то, что у нас квартиры на одном этаже. Родители Шейна — богачи, которые, судя по всему, считают, что, отчаянно балуя детей, они непременно вырастят из них скромных взрослых, — купили своему совершенно нескромному сыну квартиру рядом с моей. Она

пустовала с тех пор, как моя предыдущая соседка, Чандра, вышла на пенсию и уехала в Мэн — поближе к семье.

Моя лучшая подруга Джиджи замужем за лучшим другом Шейна, Райдером, и она предупреждала, что переезд запланирован на эту неделю. Могла бы упомянуть конкретный день, между прочим. Или, по крайней мере, прислать сегодня сообщение и предупредить меня заранее. Тогда я была бы во всеоружии — и, может, даже *не в полотноце*. Сегодня мы с ней встречаемся поужинать, и я собираюсь на нее хорошенько наорать.

— Не переживай, мы ничего не видели, — заверяет Уилл Ларсен, обладатель простодушного лица «соседского парня».

— Я видел твои сиськи и одну ягодицу, — услужливо добавляет Беккетт Данн.

Я не знаю, смеяться или стонать от отчаяния. У Беккетта лицо идеально правильной формы, легкий австралийский акцент и вьющиеся светлые волосы, он, пожалуй, даже слишком сексуален. А еще у него какая-то особая манера речи: то, что в устах другого парня прозвучало бы пошло, у Беккетта выходит по-своему очаровательно.

— Сотри их из памяти, — предупреждаю я.

— Невозможно, — подмигивает он.

Я снова смотрю на Шейна и чувствую, как ироничный настрой покидает меня.

— Еще не поздно продать квартиру, — с надеждой замечаю я.

Мечтать не вредно, это я и сама знаю. Шейн никуда не денется — его родители потратили целое состояние на ремонт купленной квартиры. Последний месяц из нее постоянно доносился какой-то шум, строители вечно что-то доводили до ума. Бедняга Найл, живущий этажом ниже, каждый день был на грани нервного срыва от постоянного дребезжания дрели (у него отчаянная аллергия на любой шум).

Я гадаю, что Шейн изменил в квартире. Готова поспорить, он превратил ее в типичную холостяцкую берлогу — под стать своим кобелиным вкусам.

И, поверьте мне, я прекрасно осведомлена о его вкусах. Они распространяются (на данный момент — я все еще веду счет) на двух с половиной девушек-чирлидерш из моей команды. С половиной — потому что с третьей он пока только пообжимался. Так или иначе, этот парень

прочесывает мою команду, как фермер — поле в конце сезона. По словам Джиджи, ему в прошлом году разбили сердце, и он впервые за всю жизнь оказался в одиночестве. Она говорит, он наверстывает упущенное, но, как по мне, все это — сплошные оправдания, а я считаю, что кобелей вроде него оправдывать не надо. Они такими рождаются — у них это в крови.

— Не надо прикидываться такой суровой перед нашими парнями, — заявляет Шейн. — Все знают, что ты в меня влюблена.

Я фыркаю.

— Думаю, если кто в тебя и влюблен, так только ты сам.

Честно говоря, я не удивлюсь, если окажется, что этот парень целыми днями пялится на себя в зеркало. Хоккеисты, как известно, одержимы хоккеем и своей внешностью. Шейн Линдли в этом отношении не исключение.

Привлекательной внешностью меня не обмануть, хотя он, конечно, очень хорош собой, спору нет. Высокий, привлекательный, с широким чувственным ртом и коротко стриженными черными волосами. У него накачанное тело спортсмена и ямочки, появляющиеся всякий раз, когда он пытается соблазнить тебя дерзкой улыбкой. Сегодня на нем баскетбольные шорты и красная футболка, и весь этот наряд очень подходит цвету его кожи.

Меж тем взгляд серых глаз Беккетта снова скользит по моему обернутому полотенцем телу, и я тут же хмурюсь:

— Можешь пялиться сколько угодно, но обещаю, что больше полотенце не упадет.

— Ну, не хотелось бы пропустить, если вдруг упадет, — он соблазнительно улыбается, и зубы его практически сверкают в свете флуоресцентных ламп.

— Это твоя квартира? — спрашивает Уилл, указывая на дверь позади меня.

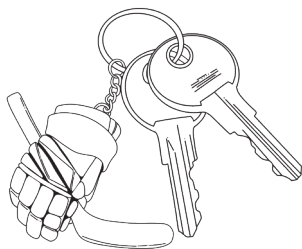
— К сожалению.

— Черт. Когда Джиджи сказала, что вы будете соседями, я и не сообразил, что прямо *совсем соседями*, — замечает он, переводя взгляд с моей двери на соседнюю, чуть дальше по коридору.

— Прошу, не сыпь соль на рану, — ворчу я, а потом добавляю, уже обращаясь к Шейну: — Если рассчитываешь, что в твою честь устроят приветственный парад, зря надеешься. У меня новая цель в жизни — сделать так, чтобы никогда с тобой не сталкиваться.

— Удачи. — Темно-карие глаза Шейна так и сверкают. — Видишь ли, моя новая цель в жизни — стать твоим лучшим другом, чтобы мы проводили вместе каждую минуту. Ой, кстати, я на выходных собираюсь закатить вечеринку. Мы могли бы устроить ее вместе. Откроем двери, и...

— Нет, — я останавливаю Шейна, подняв вверх указательный палец. — Не-а. Не бывает этому. И вообще, вы двое... — я сердито киваю Уиллу и Беккетту, — ждите своего приятеля у него в квартире. Нам с Линдли нужно обсудить правила общежития.

ГЛАВА ВТОРАЯ ШЕЙН

Лето ШЕЙНА

Посмеиваясь, я прохожу вслед за очень сердитой Дианой к ней в квартиру. На входе в главную комнату я пару раз моргаю, потому что, честно говоря, ожидал увидеть нечто совершенно иное. Гостиная заполнена совершенно не согласующейся друг с другом мебелью, а бордовый ковер отчаянно дисгармонирует с бледно-голубым диваном в цветочек. Такой диван можно встретить, когда заходишь в дом, доставшийся в наследство от покойной бабушки, намереваясь разобрать ее вещи. Никто из родственников не захочет такой диван, разве что поспорят, кому придется везти его в «Гудвилл».

— Да у тебя тут жилище настоящей кошатницы, — замечаю я.

— Мяу, — тут же доносится из кухни.

— Господи, у тебя и кошка есть. — Я ошеломленно наблюдаю, как пестрая серая кошка обходит узкий кухонный гарнитур и удостаивает меня такого взгляда, будто я лично убил всех ее котят.

К слову, выражение лица у Дианы примерно такое же, как у кошки.

— Это Люси. Моя соседка снизу — психотерапевт, и, когда у нее клиент, Люси тайком выбирается из квартиры.

— Как делишки? — спрашиваю я кошку, кивнув ей в знак приветствия.

— Даже не пытайся. Она — настоящий демон, восставший из глубин ада.

Не успевает Диана договорить, как Люси подходит ближе и принимается тереться о мои голени.

Диана мрачнеет пуще прежнего.

— Конечно, вы поладили, тут и удивляться нечему. Кыш, Люси. Нам с Линдли надо поговорить.

Люси, мурча, усаживается у моих ног.

— Она отлично разбирается в людях, — говорю я, а сам потихоньку изучаю странную обстановку квартиры.

Тут есть и старинный застекленный шкаф, заполненный стеклянной посудой, а рядом с ним — ультрасовременный книжный шкаф, будто вывалившийся из другой эпохи. А у стены...

— Господи. У тебя что, рыбка? Кто вообще заводит рыбок? У тебя совершенно нет самоуважения, Диксон.

Ярко-зеленые глаза Дианы грозно сверкают. Я практически чувствую жар ее гнева.

— Оставь моего питомца в покое. Он пусть и не идеален, но мой.

Я с трудом сдерживаю смех. Она до сих пор в одном только полотенце — такое трудно не заметить. И... что ж, врать не буду: выглядит она отлично, черт возьми. Диана шикарна. У нее широко расставленные глаза, платиновые волосы, и она остра на язык. Чуть ниже тех девушек, которые обычно меня привлекают, — ростом она едва ли больше пяти футов, может, пять и два* с натяжкой. Этакая компактная горячая штучка, но при этом масштабная личность. Впрочем, судя по всему, большую часть сил эта масштабная личность тратит на то, чтобы как следует вдарить вашему покорному слуге по яйцам.

— Я пойду оденусь. Но нам надо поговорить, так что никуда не уходи.

— Могу помочь переодеться, — невинно предлагаю я.

— Фу. Ни за что.

Усилием воли подавляю смешок. Отношения у нас с Дианой строятся на любви и ненависти, в том смысле что она меня ненавидит, а я люблю ее доводить.

Она стремительно направляется вглубь квартиры, а я с восхищением наблюдаю, как вздымается край полотенца над загорелыми бедрами. Клянусь, в какой-то момент

* Пять футов — примерно 150 см, пять и два (дюйма) — примерно 155 см. — *Прим. пер.*